

(3)

ДОМОХОЗЯЙКА, КОТОРАЯ ПИЛА ДОМА

Она прятала бутылки вкомодах и бельевых корзинах. Придя в АА, она обнаружила, что ничего не потеряла, зато обрела все, что ей нужно.

Так уж получилось, что моя история – особого рода: о женщине, пьющей дома. Я вынуждена была оставаться дома, ведь у меня было двое маленьких детей. Когда алкоголь захватил власть надо мной, моим баром стали кухня, гостиная, спальня, ванная и две корзины для белья.

Было время, когда признание того факта, что я была и являюсь алкоголиком, означало для меня позор, поражение и провал. Однако в свете того нового понимания, которое я нашла в АА, я смогла увидеть в поражении, провале и позоре зародыш будущей победы. Ибо только благодаря ощущению того, что я потерпела поражение, благодаря моей неспособности справляться с жизненными трудностями и контролировать свой алкоголизм я смогла сдаться и принять, как данность, что я страдаю этой болезнью и должна снова научиться жить без алкоголя.

В компании я никогда не пила слишком много. Но около тринадцати лет назад, когда у меня выдался особенно напряженный и тяжелый период, я начала употреблять алкоголь дома, одна. Я использовала его как средство, дающее временное облегчение и позволяющее немного лучше выспаться. У меня были проблемы. Они бывают у всех, и я думала, что капелька бренди или вина время от времени никому не повредит. По-моему, когда я начинала, мне и в голову не приходило, что я пью. Я *должна была* спать, *должна была* избавляться от беспокоящих мыслей, *должна была* расслабляться. Тогда я выпивала стаканчик-два после полудня или вечером. Но моя суточная норма быстро росла. В скором времени я уже пила

весь день. Я нуждалась в этом вине. В конце концов, единственным побуждением, заставлявшим меня одеваться по утрам, стала необходимость пойти в магазин и «запастись», чтобы спиртное помогло мне начать мой день. Однако начинался только процесс питья.

Мне следовало бы осознать, что алкоголь берет мою жизнь под контроль, когда я стала скрывать то, что с ним связано. У меня появилась потребность иметь под рукой выпивку для людей, которые «могут прийти». Полупустую бутылку, разумеется, не было смысла хранить, поэтому я ее приканчивала, и, естественно, сразу же нужно было пополнить запас на случай, если кто-то «неожиданно придет». Но этим неожиданным гостем, которому приходилось допивать бутылку, всегда оказывалась я. Я не могла отправиться в винный магазин, без стеснения посмотреть в лицо продавцу и купить вина, как я делала раньше, когда устраивала вечеринки, развлекалась и выпивала, как все нормальные люди. Теперь же мне нужно было обязательно сочинить для него целую историю, и в который раз задать один и тот же вопрос: «А на скольких человек рассчитана эта бутылка?» Я хотела убедить его, что не собираюсь выпить все вино сама.

Мне, как и очень многим членам АА, приходилось прятать спиртное. Я засовывала бутылки в корзины, ящики шкафов. Когда человек начинает делать подобное, значит, с ним что-то не так. Я нуждалась в алкоголе и знала, что пью слишком много, но не отдавала себе отчета в том, что мне следует остановиться, и продолжала. В то время мой дом был местом, где я слонялась из угла в угол. Я бродила по комнатам, размышляя и выпивая, выпивая и размышляя. На глаза мне попадались швабра, пылесос, все, что угодно, но я ни за что не бралась. Ближе к пяти часам я с грехом пополам прибиралась и сооружала ужин, а после него довершала начатое и напивалась до отключки.

Я не знала, что появилось сначала — думанье или питье. Если бы я только смогла перестать думать, я бы не пила. Если бы я только смогла перестать пить, возможно, я бы не думала. Но оба процесса перемешались, а я находилась в середине этого клубка. И все же мне необходимо было пить. Должно быть, вы знаете, какое разрушающее, разлагающее влияние оказывает на людей хроническое пьянство. Меня совершенно не заботила моя внешность. Мне было все равно, как я выгляжу и что делаю. Принять ванну для меня означало всего лишь побыть в таком месте, где можно спокойно пить наедине с собой. Ночью я тоже должна была иметь при себе бутылку на случай, если я проснусь, и мне потребуется глоток спиртного.

Не знаю, как я справлялась с домашней работой. Я продолжала пьянствовать, осознавая, во что превращаюсь, ненавидя себя за это, чувствуя горечь, кляня жизнь, виня все, что угодно, но, не признавая, что следует остановиться и что-то делать со своим алкоголизмом. В конце концов, мне все стало безразлично; я уже была неспособна о чем-то волноваться. Я просто хотела дожить до определенного возраста, выполнить то, что я считала своими обязанностями по отношению к детям, а что потом — неважно. Лучше уж наполовину мать, чем совсем никакой.

Я нуждалась в алкоголе. Я не могла жить без него. Без него я ничего не могла делать. Однако наступил момент, когда я почувствовала, что больше не могу жить с ним. Это произошло после трехнедельной болезни моего сына. Доктор порекомендовал давать мальчику чайную ложку бренди, чтобы облегчить его ночной кашель. Конечно, это было все, что мне нужно — на три недели переключиться с вина на бренди. Я ничего не знала об алкоголизме и белой горячке, но, проснувшись утром в последний день болезни сына, заклеила замочную скважину в двери, потому что «там кто-то

был». Вся в холодном поту, я шагала взад-вперед по дому. Затем по телефону кричала своей матери, чтобы она ко мне приехала, потому что что-то должно произойти, не знаю, что именно, но, если она сейчас же не приедет, со мной случится что-то страшное. Позвонила мужу и сказала, чтобы он приехал домой.

После этого я провела неделю, когда тело мое сидело в кресле, а разум витал в космосе. Я думала, что они уже не соединятся. Я знала, что мне необходимо расстаться с алкоголем. С ним я не могла больше жить. А с другой стороны, как мне жить без него? Я не знала. Я была полна горечи и ненависти. Мой гнев обратился на того самого человека, который вместе со мной прошел через все это и больше всех мне помогал – моего мужа. Кроме того, я злилась на свою семью, свою мать. Люди, которые готовы были прийти на помощь, были всего-навсего людьми, с которыми у меня не было ничего общего.

Как бы то ни было, я стала пытаться жить без алкоголя. Но преуспела я только в том, чтобы завязать с ним борьбу. А алкоголик, поверьте мне, не может побороть алкоголь. Я сказала мужу: «Я постараюсь заинтересоваться чем-нибудь вне дома, чтобы выбраться из этой наезженной колеи». Я думала, что схожу с ума. Если я не выпью, нужно делать что-то другое.

Я превратилась в одну из самых активных женщин в округе, участвуя в деятельности всевозможных общественных организаций и движений. Я вступала в какую-нибудь организацию и вскоре становилась членом ее комитета, а затем – его председателем; если же я присоединялась к какой-нибудь группе, то скоро меня назначали казначеем или секретарем. Но я не была счастлива. Я вела двойную жизнь. Пока я работала и находилась среди людей, я не пила. Несмотря на это, я должна была выпить первый стакан. И, как

только я это делала, обычная карусель снова начинала кружиться. От этого страдала моя семья.

Я пришла к выводу, что со мной все будет в порядке, если я найду себе занятие, которое мне будет нравиться. Итак, когда время с девяти до трех часов дети стали проводить в школе, я создала собственный небольшой бизнес и явно в нем преуспевала. Но все равно не была счастлива. Потому что уяснила, что все, за что я берусь, становится заменой алкоголя. А когда вся жизнь – это заменитель пьянки, нет ни счастья, ни мира. Я все еще вынуждена была пить; мне это все еще было нужно. Пока у алкоголика остается потребность в спиртном, ему недостаточно одного лишь воздержания. Я переключилась на пиво. Я всегда его ненавидела, но теперь полюбила, так что это тоже не решило проблемы.

Я снова обратилась к своему доктору. Он знал о том, что я делаю и как пытаюсь завязать. Я сказала: «Я не могу найти в жизни срединный путь. Просто не могу. У меня получается или только работать, или только пить». Он ответил: «А почему бы тебе не попробовать метод Анонимных Алкоголиков?» Я была готова попробовать что угодно, так как чувствовала себя опустошенной. Уже во второй раз. Первый раз был, когда я поняла, что не могу жить с алкоголем. Но сейчас я обнаружила, что не могу нормально жить без него, и мне стало хуже, чем когда-либо.

То чувство товарищества, которое я нашла в АА, дало мне силу взглянуть на свою проблему честно и прямо. Находясь в кругу родных и друзей, я не могла этого сделать. Никто не желает признавать, что он – пьяница, неспособный контролировать свое пагубное пристрастие. Но когда мы приходим в АА, мы можем посмотреть в лицо своей болезни и признать, что страдаем ею. Я ходила на закрытые и открытые собрания. И принимала все то, что предлагали мне АА. Не усложняй; сначала – главное; каждый раз –

только один день. Именно на этом этапе я доросла до того, чтобы препоручить свою жизнь Высшей Силе. Как-то я слышала, как одна очень больная женщина сказала, что она не верит в ту часть программы, где говорится о капитуляции. Подумать только! Для меня она означает способность успешно вести домашнее хозяйство, должным образом выполнять свои обязанности, принимать жизнь такой, какой она приходит день за днем, и трудиться над решением своих проблем. Вот что для меня капитуляция. Раньше я отдавалась во власть бутылке и была неспособна все это осуществлять. Поскольку я препоручила свою волю АА, я стараюсь как можно лучше делать все то, чего от меня хочет Сообщество. Когда меня просят нанести визит позвонившему нам человеку, я иду к нему. Иду не я; это Сообщество ведет меня туда. АА показывает нам, алкоголикам, как можно жить, не нуждаясь в алкоголе. Такой жизнью я живу день за днем, позволяя будущим проблемам оставаться в будущем. Когда настанет время их решать, Бог даст мне силу это сделать.

Я была воспитана в вере, но знаю, что до прихода в АА никогда не верила в реальность существования Бога, реальность Его силы, которая теперь со мной во всех моих делах.